

Крокодил — эпизод 4 из 16

Гот зей данк! подхватила хозяйка.

Они правы, спокойно заметил Иван Матвеич, экономический принцип прежде всего.

Друг мой, закричал я, сейчас же лечу по начальству и буду жаловаться, ибо предчувствую, что нам одним этой каши не сварить.

И я то же думаю, заметил Иван Матвеич, но без экономического вознаграждения трудно в наш век торгового кризиса даром вспороть брюхо крокодилово, а между тем представляется неизбежный вопрос: что возьмет хозяин за своего крокодила? а с ним и другой: кто заплатит? ибо ты знаешь, я средств не имею...

Разве в счет жалованья, робко заметил я, но хозяин тотчас же меня прервал: Я не продавайт крокодилъ, я три тысячи продавайт крокодилъ, я четыре тысячи продавайт крокодилъ! Теперь публикум будет много ходиль. Я пять тысяч продавайт крокодилъ!

Одним словом, он куражился нестерпимо; корыстолюбие и гнусная алчность радостно сияли в глазах его.

Еду! закричал я в негодовании.

И я! и я тоже! я поеду к самому Андрею Осипычу, я смягчу его моими слезами, заныла Елена Ивановна.

Не делай этого, друг мой, поспешно прервал ее Иван Матвеич, ибо давно уже ревновал свою супругу к Андрею Осипычу и знал, что она рада съездить поплакать перед образованным человеком, потому что слезы к ней очень шли. Да и тебе, мой друг, не советую, продолжал он, обращаясь ко мне, нечего ехать прямо с бухты-барахты; еще что из этого выйдет. А заезжай-ка ты лучше сегодня, так, в виде частного посещения, к Тимофею Семенычу. Человек он старомодный и недалекий, но солидный и, главное, прямой. Поклонись ему от меня и опиши обстоятельства дела. Так как я должен ему за последний ералаш семь рублей, то передай их ему при этом удобном случае: это смягчит сурового старика. Во всяком случае, его совет может послужить для нас руководством. А теперь уведи пока Елену Ивановну... Успокойся, друг мой, продолжал он ей, я устал от всех этих криков и бабьих дрызг и желаю немного соснуть. Здесь же тепло и мягко, хотя я и не успел еще осмотреться в этом неожиданном для меня убежище...

Осмотреться! Разве тебе там светло? вскрикнула обрадованная Елена Ивановна.

Меня окружает непробудная ночь, отвечал бедный узник, но я могу щупать и,

так сказать, осматриваться руками... Прощай же, будь спокойна и не отказывай себе в развлечениях. До завтра! Ты же, Семен Семеныч, побывай ко мне вечером, и так как ты рассеян и можешь забыть, то завяжи узелок...

Признаюсь, я и рад был уйти, потому что слишком устал, да отчасти и наскучило. Взяв поспешно под ручку унылую, но похорошевшую от волнения Елену Ивановну, я поскорее вывел ее из крокодильной.

Вечером за вход опять четвертак! крикнул нам вслед хозяин.

О боже, как они жадны! проговорила Елена Ивановна, глядясь в каждое зеркало в простенках Пассажа и, видимо, сознавая, что она похорошела.

Экономический принцип, отвечал я с легким волнением и гордясь моею дамою перед прохожими.

Экономический принцип... протянула она симпатическим голоском, я ничего не поняла, что говорил сейчас Иван Матвеич об этом противном экономическом принципе.

Я объясню вам, отвечал я и немедленно начал рассказывать о благотворительных результатах привлечения иностранных капиталов в наше отечество, о чем прочел еще утром в Петербургских известиях и в Волосе.

Как это всё странно! прервала она, прослушав некоторое время, да перестаньте же, противный; какой вы вздор говорите... Скажите, я очень красна?

Вы прекрасны, а не красны! заметил я, пользуясь случаем сказать комплимент.

Шалун! пролепетала она самодовольно. Бедный Иван Матвеич, прибавила она через минуту, кокетливо склонив на плечо головку, мне, право, его жаль, ах боже мой! вдруг вскрикнула она, скажите, как же он будет сегодня там кушать и... и... как же он будет... если ему чего-нибудь будет надобно?

Вопрос непредвиденный, отвечал я, тоже озадаченный. Мне, по правде, это не приходило и в голову, до того женщины практичнее нас, мужчин, при решении житейских задач!

Бедняжка, как это он так втюрился... и никаких развлечений и темно... как досадно, что у меня не осталось его фотографической карточки... Итак, я теперь вроде вдовы, прибавила она с обольстительной улыбкой, очевидно интересуясь новым своим положением, гм... все-таки мне его жаль!..

Одним словом, выражалась весьма понятная и естественная тоска молодой и интересной жены о погибшем муже.